

СОВРЕМЕННОСТИ И КЛАССИКИ

СОВРЕМЕННОСТИ И КЛАССИКИ

Тамара Винэр

История с любовью

Москва

Интернациональный Союз писателей

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В48

Продюсер проекта Елена Наливина

Винэр, Тамара

В48 История с любовью / Т. Винэр. — Москва : Интернациональный Союз писателей, 2026. — 148 с. (Современники и классики).

ISBN 978-5-6054854-6-9

История девочки-сироты, жившей в XVIII веке, и лютеранского пастора. Крепость Тевтонского ордена Мариенбург и судьбоносные встречи Петра I. Об этом — повесть «Неизвестная императрица».

«Бархатную новеллу» пишут своей любовью Рафаэль, российский император и шеф жандармов. Что между ними общего? «В перстне Рафаэля яда не было. Те, кому дарили этот спрятанный в бархат перстень, сами отравляли свою жизнь и жизнь тех, кто их любил».

В Рундале в Латвии до сих пор манит своим стилем барокко замок Растрелли. А как любовь прошла через его жизнь и кому супруга Бирона напишет: «У каждого своя Голгофа. Кому — конец пути, кому — начало жизни»? Об этом в повести «Любовь в стиле барокко».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6054854-6-9

© Тамара Винэр, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

Любовь в стиле барокко

Глава 1

— Что же, дорогой Варфоломей Варфоломеевич, просьбу вашу уважим. Здоровья вы для наших дворцов не щадили, заслужили время и отдохнуть.

Императрица Екатерина Вторая протянула обер-архитектору свиток с именным указом отправить на лечение и в придачу кошель от неё лично. Знала о денежных затруднениях: заказов давно не было, строительство Гостиного двора остановили недовольные никчёмной роскошью купцы.

Бартоломео Растрелли, по-русски Варфоломей Варфоломеевич, получил наконец отпуск. В Италию, к солнцу, забытому в Петербурге! Получивший этот подарок из рук третьей на его веку императрицы зодчий чувствовал, что не милость это от царских щедрот, а ссылка за ненадобностью. Академик архитектуры Императорской академии художеств, создатель... Да что говорить, по Петербургу только пройди... Вышел он из моды при новом дворе вместе со своим любимым стилем барокко.

Пока ехали в карете по Петербургу, Бартоломео не смотрел в окна. Словно отобрали у него его детищ да самого подальше отослали. Горяч, несдержан, знал это за собой. Перенёсся тягостными думами к Италии.

Дед Бартоломео, как все зажиточные флорентийцы, грезил о дворянском гербе. Щит стоял в подвале, отполированный. И ходатайства от влиятельных заказчиков сделали своё дело! Заготовленный щит украшен кометой и двумя восьмиконечными звёздами на золотой ленте в голубом поле.

Получить-то получил вождеденный титул, а денег вовсе не стало. Не хватит места всем художникам во Флоренции! И молодой Бартоломео отправился к французскому королю Людовику Четырнадцатому, всё подчинившему роскоши. Но не устоял перед соблазном приехать в Московию. Сам государь Пётр пригласил, прельстив званием графа! Высокомерие, гордыня — часто лишь это, а не деньги, наследуется дворянами.

Видно, в крови у итальянцев стремиться к роскоши, наслаждаться жизнью, но ничего не скопить. Бартоломео-младший, начинавший вместе с отцом при русском дворе, признавал за собой, что в расходах своих несдержан. Ничего не осталось от щедрой платы за петровские заказы по планировке Стрельни, Петергофа... Сколько интерьеров во дворцах по его рисункам декоративной пластикой украшалось! А его фигуры и бюсты из воска, с натуралистической точностью передающие портреты заказчиков! Даже в карете художник махал в отчаянном воодушевлении руками, то ли повторяя формы скульптуры, то ли доказывая невидимым зрителям свой талант. Советовали ему от барокко постепенно отходить, но это всё равно что от себя отказаться! Да что сейчас говорить... Сердце болит не об отставке и даже не о нынешнем фаворите Екатерины в архитектуре.

«Что детям оставляю?..» Мария Уоллес родила ему троих детей, как-то безмолвно появилась в его жизни и безмолвно исчезла. Пожалуй, заметил Бартоломео именно отсутствие жены, как ценят руку, когда её теряют. Недолго погоревав сейчас, словно

дань отдал. Была боль нестерпимее для стареющего Растрелли. Чем в дороге ещё заниматься, как не ревизией сердца...

Любил ли он Анну? Для всех — императрицу Анну Иоанновну. Выделявшая в первую очередь иноземцев среди чуждой для неё русской среды, и дворец свой она поручила Растрелли. Как Анна любила балы, маскарады, роскошь во всех её проявлениях! Как и он, молодой голодный художник! Он знал за собой несговорчивый нрав, и она не умела подход к окружению найти. Может, это их сблизило, когда позировала в императорском облачении, а плакалась совсем по-женски? Ах, как Анна умела любить!

Снова взмахнул руками бывший любовник, устыдившись и одновременно сладко вспомнив былое.

А как выгнал его этот спесивый немец Бирон, которого Анна приблизила! Для всех представление разыграли, будто Бирон платить по обязательствам отказался, оттого будто скандал на весь дворец! Но на самом деле ох как не вовремя фаворит появился на пороге спальни!

Бартоломео теперь смеялся, а тогда думал: только бы в живых остаться! Пинками гнал его по лестнице вниз Бирон. А Анна и тогда смеялась: приятно женщине, когда из-за неё дуэль устраивают или хотя бы просто дерутся. Кстати, искусную работу Растрелли в курляндских дворцах так и не оплатили. Дали понять, что благодарить должен — не сослали вместе с Биронами.

Улеглось и это, при дворе за власть дрались — не до альковных историй. С Анной Иоанновной Растрелли в дружбе остался. За это и за работу пожаловала ему императрица ларец с драгоценностями. Особенно уральские самоцветы для художника дороги стали: дары российской природы.

А тут супруга самого Бирона, Бенигна, немка из рода фон Трейден, тоже несчастная женщина. Уж как она своего Иоганна обожала! Бенигна Готлиба — неказиста, но добра и отзывчива. Выходила замуж против воли знатных родителей за красавца Бирона, который тогда всего лишь прислуживал при дворе вдовствующей герцогини Курляндской Анны Иоанновны. И, представьте, Бирон ценил свою жену за всяческую поддержку, письма писал нежные, открыто называл супругу родственной и избранной душой. И, уже будучи императрицей, Анна Иоанновна свою фрейлину осыпала милостями тоже за дружескую поддержку.

В первую встречу с Растрелли Бенигна попросила художника в первую очередь кабинет для супруга украсить, да с продуманными мелочами вроде умывального столика повыше, чтобы Иоганну удобно было... Позавидовал тогда художник в который раз Бирону. А когда попросила Бенигна себя «потомкам оставить» в виде портрета и когда с присущей ей серьёзностью вышла при полном параде — у Бартоломео помутнение случилось.

Это Анна перед ним или Бенигна? Царственная осанка, орденские ленты, диадема... Художник застыл в замешательстве, а Бенигна приняла это за восхищение... Растрелли, итальянец, художественная натура, оценил и улыбку Бенигны. И был оценён женщиной, которой не дала природа умения вызывать мужское внимание.

И столько благодарной страсти пролилось на Бартоломео, что любил он Бенигну искренне. Так же искренне оборвал себя на полуслове, услышав от неё, что ждёт она ребёнка. И теперь Растрелли сам бежал позорно вниз по своей же прекрасной

лестнице! Страх последствий подгонял его большее туфель Бирона. Через несколько дней опомнился, сослался на временное помутнение рассудка от счастья, целовал руку Бенигны с пылкостью. Только рука та холодно отодвинулась, погасли умные глаза. Слава Создателю, хоть скандала не было! И сейчас, годы спустя, Растрелли помолился о спасении своей мужской природы...

Родилась девочка. Анна Иоанновна вызвалась быть крёстной матерью, видно, была тому причина. И девочку нарекли Анной, и сразу же взяла её на попечение сестра Бенигны Тэкла. Великому Растрелли дорога во дворец курляндской герцогини была закрыта.

Сила вдохновения после утраты любящих его женщин воплотилась в копии ларца, что когда-то подарила ему Анна. Уже не осталось ни малахитов, ни изумрудов, но ларец стал талисманом. Пусть же ещё один будет! Безотчётно, без помыслов о будущем мастерил из дерева и серебра шкатулку. А когда стояли рядом символы любви — Растрелли принял решение в один из ларцов собрать приданое для Анны, внебрачной дочери. Он не сомневался, что род фон Трейден обеспечит девочку, но ему было важно что-то передать ей от себя.

Вот и ехал он в Италию, коря себя за расточительство. Нечего ему положить в шкатулку! Перед глазами пробежали фрески, скульптуры, картины старых мастеров в его доме во Флоренции. Там сейчас жил его брат, отдавший свой дом детям. Но когда-то это палаццо дедом Растрелли было завещано ему, Бартоломео. Вместе с гербом на щите. И тут Бартоломео снова помолился небу, что озарило его. Он знает, что оставить Анне!

...Через недели пути карета Растрелли наконец ехала по родной Флоренции. Но он назвал кучеру адрес старейшего банка

Италии. Ценившие клиентов по суммам вкладов, а не по внешнему виду, служащие не моргнули и глазом при виде усталого неухоженного старика в потрёпанной одежде. Имя Растрелли для Италии тоже было ключом от многих дверей. Провели к стряпчему, откуда Бартоломео вышел уже без ларца-копии. Он был так взвинчен в нетерпении исполнить своё желание, что в последние дни не останавливался на постоянных дворах, не переодевался, словно не слыл когда-то щёголем. Откуда-то появился страх не успеть. Успел!

Теперь домой, в горячую воду, выпить домашнего вина, радующего своей теплотой. В том ларце Растрелли оставил завещание для дочери Анны на своё палаццо. И постаревший, измождённый дорогой, отставленный русской императрицей, Бартоломео Растрелли чувствовал своё Возрождение.

Глава 2

Императрица непринуждённо вела беседу во время прогулки, не оглядываясь на собеседников: кому нужно — услышат. Тема разговора вызывала у Екатерины Алексеевны заслуженную гордость и удовольствие: новые приобретения для Эрмитажа.

Французские посланники на все лады повторяли возмущение своих ценителей искусства, художников, богатых людей: философ-просветитель Дени Дидро из Франции морем отправил российской императрице семнадцать ящиков с бесценными произведениями искусства! Посыпались названия шедевров.

— Да, наш посланник князь Дмитрий Голицын вместе с господином Дидро успешно выторговали коллекцию у наследников вашего финансиста Кроза. — Императрица иронично выделила это «ваши». — Что же ваши любители искусства не

